

Л

СЕГОДНЯ в театре — «Материнское поле». До начала спектакля еще полчаса, я сижу за кулисами, в гримерной Риммы Асфандияровой, и наблюдаю за происходящим молча, потому что боюсь помешать. Актриса гримируется.

...Две седые пряди — от пробора к вискам. Потом какие-то неумовимые, пока ей одной понятные тени наносятся на лицо, постепенно суровеют глаза, все глубже становится морщина между длинных красивых бровей. Грима мало, почти нет, но это уже Толгонай... Пройдет еще несколько мгновений, и она выйдет на сцену, чтобы там, перед залом, прожить в течение двух с половиной часов долгую и нелегкую жизнь: встретит и полюбит хорошего человека, будет холить детей, перенесет гибель на фронте мужа, потеряет трех сыновей, станет работать бригадиром, беречь землю, сеять хлеб и, наконец, переживет еще одно испытание — потеряет невестку. Но не сломится и не согнется, а обретет ту высшую силу духа, ту мудрость, которая рождает слова — квинтэссенцию спектакля: «Человек должен жить!».

«Материнское поле» Чингиза Айтматова — это спектакль-монолог, в котором Р. Асфандияровой удается слить воедино изумительное мастерство чтеца с игрой актрисы. Она выполняет здесь очень нелегкую задачу — держит на себе постоянно неослабное внимание зала, зритель следит за каждым ее жестом, движением, интонацией. И что это за жесты! Бережно, с любовью, каким-то особым движением подносит ко рту хлеб — будто обряд совершает. Сначала страдает, готовая «обнимать рельсы и биться головой о шпалы», но потом постигает смысл судьбы своих детей, распрямляется, становится мудрым и сильным человеком — и теперь она не несчастна.

Как же он родился, этот верный образ такой царственной и молодой старухи? Когда получила роль, было немного даже страшно. Как она, Толгонай, как ходит, одевается, какое лицо у нее? Думала над психологической канвой роли, много читала, искала верное решение вместе с режиссером. Словом, наступил период, когда она не может точно разграничить: это я, а это — моя роль. «Толгонай забродила во мне», — говорит об этом моменте актриса. — Куда ни пойдешь, что ни делаешь — всюду она. Долго не могла найти, какой должна быть внешне героиня. Но однажды увидела видуску: возраст — лет под шестьдесят, яркое сари, седые пряди, очень прямая спина, гордая посадка головы, смуглая коричневая кожа, — и главное, что поразило: какая-то особая одухотворенность, молодость духа, как будто свет изнутри... Так помогла незнакомая чужестранка, случайно встреченная на улице Горького в Москве.

А эти верные интонации, это певуче гортанное: «Айша! Сама виновата...» — найдены тоже не сразу. Тетушка Асма-апа, которая живет во Фрунзе, наверное, и не подозревает, как она помогла в этом своей племяннице.

Годы детства, деревня Маракеево в Башкирии с ее глубоко национальным укладом жизни помогли чувствовать ту атмосферу, в которой жила Толгонай... «Я не то, чтобы их вижу, когда играю, но мне легко эти горы представить...» Словом, актриса в своей работе над ролью следует мудрому правилу мольеровского героя: «Веру свое добро везде, где нахожу». И медленно, шаг за шагом, складывается су-

ровый и прекрасный облик той Толгонай, которую сегодня увидит зритель.

...А завтра здесь будет звучать мазурка Шопена, и изящная златокудрая полька пленит всех той звенящей нежностью прощаний, которая как «лад» в стихах провозвещает весь спектакль.

«Варшавская мелодия» Л. Зорина — это три встречи, это вечная тема — Он и Она. Три встречи — три лица рисует Римма Асфандиярова. Первая встреча — более счастливая, и Геля здесь экспансивна, она мило острит, мило шутит, даже издевается мило. И опять — какая пластичность движений, какая точность в передаче умной наивной этой девушки. Но и здесь она сумела выразить смутное тревожное предчувствие. Вспомните: «Всегда и всюду границы, границы... Границы времени, границы пространства, границы государств. Границы наших сил. Только наши надежды не имеют границ». А как она живописует голодом: «В белой бороде зеленая трава». Стоит ей сказать это, как перед нами, как живой, возникает образ этого деда, которого Геля везла спрятанного от фашистов в колбе на телеге, и теперь рассказывала об этом Виктору.

Вторая встреча — второе лицо Гели: это чувствуешь сразу. Хотя голос ее по-прежнему звучит музыкальной чувствительностью и какой-то душевной грацией, но речь не льется так открыто и певуче, как вначале. За иронией, шуткой за разговором о мелочах мы угадываем вопль истерзанного сердца. В том особая умная женственность героини, которую так точно рисует актриса.

Для тех, кто видел Гелю на сцене Вахтанговского, эта стала неожиданностью и приятным удивлением. А когда говоришь о спектакле с актрисой, она считает, что здесь для успеха очень много значит ансамбль, который должен чувствовать не только зритель, но в котором и сам актер растет и углубляется.

«С Сашей Михайличенко у нас прекрасный ансамбль», — улыбается Римма.

Эти две роли, Геля и Толгонай, очень дороги актрисе. Первая, в «Варшавской мелодии», стала подготовкой ко второй, но как та, так и другая занимают особое место потому, что играет их актриса по-новому. Это «по-новому» очень хорошо выражено в знаменитом парадоксе Дидро о том, что играть хорошо можно только не чувствуя, а пребывая разумом в положении высшего контроля над своими сценическими действиями. Нельзя сказать, что это «пребывание разумом» пришло только сейчас, оно было и раньше,

но она еще играла часто «как птица поет», интуитивно.

Этот год знаменателен не только тем, что в своем мастерстве актриса поднялась на ступеньку выше, но и тем, что нынче для нее своего рода юбилей — 20 главных ролей сыграно после учебы в институте. Совсем

большие выразительные глаза, слушаю, как она говорит о том, что совсем нетрудно отштамповать свои природные данные и подделывать под них свои роли. Если бы только это — не было бы искусства актера. Но актер, имея материал в себе самом, должен уметь лепить

пугально посмотрела на банку с siamoскими близнецами. И приняла решение.

...На вокзале ей встретили не дарили, потому что по призыву ЦК комсомола на строительство железной дороги Магнитогорск — Абдуллино уезжали в основном ребята. О том, что у нее тоже путевка, провожающие не знали...

...Работала два года на стройке, иногда, как члену пленума райкома комсомола, приходилось бывать в Уфе. И однажды прочла в газете «Советская Башкирия» заметку своего преподавателя литературы Г. К. Миняева о том, что у выпускницы 10 класса Р. Асфандияровой есть все данные, чтобы поступить в театральный вуз. Но почему же раньше он не сказал об этом? Хотя и запоздалый его совет — но пригодился. Решила поступать в университет. Выбрала из всех ближайших городов Свердловск — много театров, есть киностудия. И здесь опять ждала...

Бывает счастливое стечение обстоятельств. Бывает, как в кино: пришел режиссер, увидел, предложил сниматься. У нее этого не было. Она не очень охотно зубрила аористы, с удовольствием занималась вокалом, в драмкружке, спортом. Однажды университетская газетка написала о том, что роль матери в «Старых друзьях» она играет «с большим мастерством». И она решилась. Продала книги, все, что можно было продать, кто дал пять рублей, кто — десять. Приехала в Ленинград. Знакомых нет, остановиться негде. Сидела в столовой, когда с ней заговорили две женщины — мать и дочь. У них и прожила, как у родных, две недели.

ПРАЗДНИК ВСЕГДА С ТОБОЙ

немало; 20 ролей — за четыре года. Это Елена Андреевна в «Дяде Ване» Чехова, Наташа в «104 страницы про любовь», Рашель в «Вассе Железновой», Зорька в «Разбуженной совести». Это княгиня Вера в телевизионном фильме «Два брата», испанка донья Анхела в «Даме-невидимке», итальянка Оливия в «Двенадцатой ночи». Та самая Оливия, о которой театральные журналы напечатали восторженную рецензию. Она же, когда приступала к работе над этим «голубым» портретом, была очень рассержена. Потому что еще раз подтверждалась закономерность, которая не очень-то ей по душе, — хочешь играть донью Анну, а получаешь Лауру, мечтаешь об Антигоне или Электре, а тебя, оказывается, ждет итальянка Оливия.

Но как она ею стала?

...Да, оно — ее изначальный и главный хозяин. А зритель — хозяйка второй. И в служении им — вся жизнь актрисы.

II.

...Угрюмая девочка, дочка санитарки, часто приходила в один из уфимских госпиталей и по просьбе раненых читала стихи. В школе играла в чеховском «Медведе», в «Веселой портняжке» — короля. Но, как правило, главных ролей ей не давали — была другая девочка, Лена Папенко, которая играла Золушку, а остальным доставались ее сестры.

В 10-м классе на зональном смотре читала письмо Татьяны и 1-е место поделила с Леной, после чего та рассказала ей, что занимается под началом народного артиста Кондратьева, о системе Станиславского и новом слове Мейерхольда, в искусстве Римма почувствовала себя уничтоженной. В довершение к этому она увидела Лену в «Марии Тюдор» — и забросила занятия в кружке, увлеклась коньками.

...Она мечтает сыграть Натали. Но не ту, какую ей уже пришлось играть в спектакле «Гибель поэта». В нем рассказывалось о гибели поэта, и поэтому цвет для решения роли предполагался только один — черный. Ее Натали — другая. Для нее это женщина, которую любил Пушкин, мать четырех детей, хозяйка дома, где две трети семейного бюджета тратилось на книги. Работая над ролью, она специально ездяла из Курска в Ленинград, в дом-музей Пушкина, еще и еще раз просматривала счета, читала переписку, снова и снова убеждалась, как была права Натали в отношениях со своей сестрой, когда высказывала ей неприятие этого грубого вмешательства в чужую жизнь.

С едва заметной горечью вспоминает актриса то время.

И теперь, когда мы сидим в холодном номере гостиницы, где пока живет актриса, смотрим рабочие снимки «Гибели поэта» — на них ясно видно, как женой, поворотом головы, жестом стремится она передать хоть кусочек этой, своей, Натали.

Детство во многом определяет жизнь человека и как важна порой бывает вера в тебя окружающих людей для того, чтобы утвердиться, поверить в себя до конца.

На вопрос «куда пойти учиться?» у нее мог быть только один ответ. Но театр — это ведь так необыкновенно! Это волшебство! Об этом можно только мечтать. Зашла в медицинский институт. Ис-

Первый тур приемных экзаменов. Она читала отрывок из «Анны Карениной» и когда дошла до слов: «Я не позволю ему меня мучать» — начинала рыдать. Велика была жажда театра! Все три тура ходила в вельветовом платье и тапочках, забывала есть и спать, была только одна мысль. Но вот последний тур — и радостная весть: принята!

...Прошли годы учебы, занятий с замечательными учителями театрального мастерства — Л. А. Яном, заслуженным артистом республики, преподавателем сценического движения И. Э. Кохом, с К. Черноземовым — педагогом по танцу. И наконец — дебют. Первая роль — Лаура в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Сцена, на которой впервые была поставлена «Мистерия-буфф» Маяковского, на которой играли Стрелетова, Савина, Комиссаржевская. «Благословленная» самим Симоновым, вышла на эту сцену, увидела огромный парадный зал, театр-храм, вспыхнула в ней светлая радость, родилось большое чувство праздника. И теперь, когда выходит на сцену более скромных театров — праздник рождается снова. А может быть, так происходит еще и оттого, что давно и страстно ждала этот праздник, сильно к нему тянулась и поэтому теперь знает ему цену.

Л. МОРОЗОВА.